

автора с героиней. Но обрисованы эти чувства достаточно условно. Даже самое «драматическое» стихотворение цикла, несмотря на специфический подбор «чувствительной» лексики, воспринимается как стилизация минутного настроения:

Боги, все, что злее в муке,
 Все то в сердце сем брегу.
 Я с Еглею в разлуке
 Жить нещастный не могу
 Я чувствителен был ею,
 Для нее я трепетал,
 Вы похитили Еглею.
 Я теперь бесстрастным стал;
 Я бегу приятной неги,
 Мрачну зреть желаю твердь,
 В море слышать ветров беги,
 Ощущать пришедшу смерть.²⁷

Условность стихотворения подчеркивается и применением «традиционных» имен: в процессе работы автор заменил обычное для французской легкой поэзии имя «Исмена» (Ismène) на не менее часто встречающееся «Еглея» (Eglée).²⁸

Но Муравьев и не стремится отражать реальную правду чувств. Характерно для него уже само определение любимой женщины: «Благополучие, питательница Муз». Его поэзии любовь, объект этой любви важны постольку, поскольку они являются источником вдохновения и эмоций.

Приди, в сии явленья
 Со мной перенесись,
 Эмилией, размышленья
 Мгновеньем насладись.²⁹

— призывает Муравьев. Последние строки и так достаточно показательны, но если бы они читались: «настроенья мгновеньем насладись», то это бы почти исчерпывающе отразило суть его «легкой» поэзии. И если герой стихотворения грустит:

Воздыхаю приученно,
 Сердце может ли мое,
 Не прервавши бытие,
 Зреть, о небо, пресеченно
 Упражнение свое.³⁰

то в самой мелодике стиха ощущается это «наслаждение» грустью. Отношение поэта к содержанию своей лирики наиболее ярко проявляется в следующем отрывке:

²⁷ ГПБ, папка № 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, папка № 8. (Курсив мой, — А. Б.).

³⁰ Там же, папка № 13.